

ТАТЬЯНА СТЕПАНОВА

ДУША-ПОТЕМКИ

МОСКВА
2022

То, что было, — никогда не вернется. То, что случилось, — не произойдет вновь.

И прошлое...

Да, конечно, это всего лишь прошлое.

Пыль...

Неоновая вывеска на фасаде — зимой и летом, в дождь, и в стужу, и в зной.

Эхо на этажах, шорох шагов по гранитной лестнице, гладкость отполированных ладонями перил.

И все эти зеркала и витрины...

Когда на них падает луч света...

И старый лифт, что гудел...

И та дверь в подсобку, что открывалась так туго...

Аромат духов — тяжелый, пряный...

Забыли название?

Ничего, вспомните. Вы все скоро вспомните. Очередь с первого на пятый этаж в обувной отдел за финскими сапогами. Очередь в парфюмерию за губной помадой... Алая... Забыли номер? Алая такая... Ничего, и это вы тоже вспомните. И даже то, как аппетитно хрустел вафельный стаканчик со сливочным мороженым.

Вон там, слева у колонны, которую потом сломали.

Там всегда стояла продавщица мороженого...

А потом ее убили, как и тех... других...

ГЛАВА 1

ПРОИСШЕСТВИЕ ИЗ СВОДКИ ПОД ГРИФОМ «СЕКРЕТНО»

Июль 1980 года

Оно всегда выглядело старым, это здание универмага. На перекрестке уютнейшей из московских площадей, в обжитом, засаженном тополями, плотно застроенном уголке столицы. Выпуклый фасад смотрит прямо на площадь. И буквы вывески — оранжевые, порой мигающие призывно, а порой режущие глаз своей победоносной яркостью: «Замоскворецкий». Универмаг «Замоскворецкий», его еще вся округа называет просто либо Магазин, либо Мосторг.

Вывеска вспыхивает... Как будто там, в электросети, кто-то устроил короткое замыкание, потом едва тлеет и тихо гаснет. Одновременно гаснут и фонари на площади и на Александровской улице. Четыре часа утра, но у центрального входа в Замоскворецкий универмаг много машин — черные «Волги», желтые милицейские «газики». Конечно, не так много, как было днем на Таганской площади у театра, где вся Москва собралась проводить в последний путь своего Поэта, и не так много, как там, на Ваганьковском кладбище, куда все пришли потом, и стояли, несмотря на жару, и прощались...

Прощались не только с ним, поэтом Высоцким, а еще с чем-то внутри себя, что казалось таким важным, свободным, поправшим запреты, что пело, куролесило, жаждало истины, стучалось во все

двери, такое живое, родное, свое, а затем вдруг оборвалось гитарной струной...

Лейтенант милиции Федор Гушин в свой первый рабочий день в пятнадцатом отделении милиции в шесть утра попал прямо в оцепление на Таганку, где уже собирались толпы народа и рядами выстроились автобусы и грузовики. Вечером его вместе со сводным отрядом милиции перекинули в Крылатское на канал, где шли соревнования по гребле. В Москве ведь проходили Олимпийские игры. А поздней ночью все пятнадцатое отделение милиции подняли по тревоге в связи с происшествием в Замоскворецком универмаге.

Там, на Таганке, в оцеплении... Они стояли под солнцем, в мокрых от пота милицейских гимнастерках, фуражках, не спасавших от пекла. И порой ловили на себе косые взгляды из толпы — оговорили, не пускаете... выстроились в цепь, а мы все равно пройдем туда, к театру, к гробу, сомнем вас, сломаем, сплющим в лепешку, если только посмеете... если хоть кто-то из вас хоть что-то поперек — нам, против нас...

А потом, когда гроб с поэтом выплыл на руках и вся площадь затаила дыхание, готовая взорваться, кто-то всхлипнул, закрыл лицо руками.

Это был младший лейтенант милиции Елистратов, стоявший рядом с лейтенантом Федором Гушиным в оцеплении. Фуражка, погоны, серая милицейская гимнастерка — при полной выкладке, при исполнении служебных обязанностей, при всем честном народе, — этот двадцатилетний мальчишка в форме плакал, как ребенок, потерявший отца.

И какой-то пожилой мужик из толпы подошел к нему сзади и обнял за плечи и сказал: «Сынок... не надо...»

А потом еще какая-то девушка и женщина с ре-

бенком на руках... И как-то все смешалось — народ, оцепление, милиция. И не случилось никакой давки. Потому что в этот миг каждый печалился о тех, кто рядом, и боялся причинить боль.

Вечером на дежурстве в Крылатском под свист и рев трибун лейтенант милиции Федор Гушин думал о том, что видел. Есть дни... пусть даже это самый первый твой рабочий день, когда внезапно понимаешь, ради чего вообще все — твой выбор, твоя профессия, твой путь... Твой дальнейший путь.

Странно, несмотря на адскую усталость, он горы был готов свернуть. И пахать так, что... в общем, как надо, сколько надо и в сто раз больше — пахать на работе.

Но в здание Замоскворецкого универмага его не пустили. Молодой сотрудник. И вообще все пятнадцатое отделение милиции оставили в оцеплении у дверей на Александровской улице. Когда они распахивались — а внутрь проходило много народа: члены следственно-оперативной группы с Петровки, 38, из отдела по раскрытию убийств МУРа, криминалисты, прокурор города, следователи, сотрудники вневедомственной охраны, — когда двери универмага распахивались, Гушин мог разглядеть небольшой участок первого этажа. Гранитная лестница наверх с дубовыми перилами, мраморный пол, посыпанный опилками, и сразу налево — отдел парфюмерии, а за ним кожгалантерея.

Но первую жертву обнаружили не там.

Все тела были найдены на разных этажах универмага.

— Эй, лейтенант, что спишь на ходу, поддержи дверь.

Криминалисты из управления с громоздким оборудованием для видеосъемки. Японская аппаратура, говорят, в экспертном управлении и ви-

деомагнитофон имеется. Научный прогресс, всю, так сказать, на службе охраны правопорядка... так на лекциях в Высшей школе зубрили...

Двери тугие, старые еще, дубовые. Вроде широкие, но открывается лишь одна половина — правая, левая на мертвом стопоре. Даже сейчас. И так отчего-то во всех московских магазинах — в рыбном на улице Герцена, в «Смене» на Ленинградском проспекте, в «Детском мире» и...

— Продавщица мороженого, видимо, умерла не сразу. Там весь пол на этаже в крови, она пыталась вырваться, ползла к лестнице, судя по следам. Но ее догнали. Только у нее одной ножевые раны на теле. Двух других задушили.

Прошли внутрь, дверь закрылась. Лейтенант Гушин оглянулся по сторонам. Улица спит, и площадь спит. И вон там, через перекресток, в Александровских казармах, которые чаще зовут Кремлевскими, тоже еще не играли побудку. И дом, что напротив универсама, тоже спит мертвым сном. Серая громада, окна в окна... Должны же они были что-то слышать ночью... жильцы тех квартир, чьи окна выходят прямо сюда. Ведь *они*... потерпевшие... должны были кричать...

— Здравия желаю.

— Вольно, лейтенант.

Высокое начальство из министерства — двое только что вышли из остановившейся у дверей универсама черной «Волги». Один в штатском, другой в генеральской форме. И это в четвертом часу утра, видно, еще не успел переодеться, дежурил от руководства.

— Происшествие пройдет по сводке под грифом «Совершенно секретно». Такое ЧП и в такую ночь... С похоронами волынка такая, — тот, что в форме, доверительно придвинулся к уху штатского, — пока там, на Таганке, покойника из театра

выносили, у меня телефон в кабинете звонил не переставая — из горкома, из приемной Совмина... Помощник шефа, Щелокова, трижды... Они массовых беспорядков боятся, митингов. Олимпиада, а тут такое дело — акты гражданского неповиновения. Но по-тихому все обошлось... Японский бог, свечку хотел в церкви поставить... Да не успел — это ночное ЧП, резня в универмаге. Если под грифом «Секретно» пойдет по сводке, то завтра... нет, уже сегодня утром ляжет на стол с докладной министру, Николаю Анисимовичу... и конечно, Андропову, от чекистов все равно такое не скроешь. Ну и в горком — Гришину, это уж как водится, хозяин Москвы. А дальше не пойдет. Туда, на самый верх. Самому... ему помощники не доложат, сюда, в Замоскворецкий универмаг, сама мадам ездит... дочка Галина. И следом за ней тоже разные-всякие, сам понимаешь — свита... Адрес известный, спецсекция, как в ГУМе, и товар всегда в наличии. У директрисы здешней, Ольки Краузе, связи большие... Принцесса Галя — куда уж больше. А тут такой случай... резня... Я пока ехал в машине сюда, мне по телефону...

— Тебе что, телефон в машине установили персональный? — усмехнулся штатский. — Смотри лишнего не болтай.

— Знаю, ученый. Так вот начальник МУРа мне кратко ситуацию докладывал — по всему очевидно, это не налет, не ограбление. Кто-то один в универмаге ночью орудовал и не грабил, а убивал, понимаешь? Целенаправленно убивал, с фокусами. И если такое... такая информация в открытый доступ выплывет, завтра же по городу слухи поползут, как чума. А следом за этим головы полетят и в министерстве, и на местах.

И эти прошли, скрылись внутри. Много бы отдал лейтенант Гушин, чтобы тоже оказаться там,

где сейчас работала сводная следственно-оперативная бригада.

Но пост не бросишь. И курить нельзя.

— Федь, вон видишь тех? Эти с вневедомственной охраны... Целая группа прибыла, — тихо сказал Гущину старшина Сысоев — дежурный шофер пятнадцатого отделения милиции. За рулем «газика»-«канарейки» ему не сиделось. Подошел к дверям, заглянул в витрину. — Они первыми тут оказались вместе с машиной инкассаторов. Те обычно выручку до полуночи забирают, но все перекрыто было из-за похорон до самой ночи. Да, свезли Владимира Семеныча на Ваганьково... свезли... кто ж петь-то нам теперь будет... осиротели... У них, инкассаторов, всегда сперва по плану Добрынинский универмаг идет, потом Даниловский и только потом уж этот — Замоскворецкий. Значит, приехали где-то в третьем часу сюда, бухгалтер, старший кассир. И вневедомственная подкатила — здание-то уж на пульт поставили, как закрыли с вечера. Так вот не пойму я никак...

— Чего? — спросил лейтенант Гущин.

— Как *он* внутри очутился? Вон эксперты говорят — я слышал, следов взлома никаких, сигнализация на пульте не сработала, значит, проникновения нет. Витрины, двери — целехоньки. Они всей группой — кассир, бухгалтер, инкассаторы, патруль — вошли через этот вот центральный вход, с сигнализации собственноручно сняли. А там на втором этаже... И на других этажах тоже... там уж все сделано было, конечно. Как он внутри-то очутился, убийца? Нет, что-то не так тут.

Лейтенант Гущин поднял голову вверх — вывеска над входом в универмаг внезапно снова зажглась. Буквы замигали, замигали и налились оранжевым светом. То ли утренний туман тому виной, то ли смог городской, но свет, несмотря на всю

свою цитрусовую жизнерадостность, казался холодным, почти что мертвым. Точно источник его прятался где-то далеко, а это был лишь отблеск.

И где-то там, за домами, наверное, на Садовом кольце завывала сирена «Скорой», которую вызвали сюда увозить трупы в морг Павловской больницы. Спешно увозить, до того, как город окончательно проснется, — до первых троллейбусов, до первых такси, до первых прохожих и зевак.

И еще одно пятно света — маленькое, вороватое — возникло в сумерках на фасаде восьмиэтажного дома, облицованного серым гранитом. Того самого дома, что окнами выходил прямо на Замоскворецкий универмаг. Вся округа называла этот дом «генеральским», потому что еще с довоенных времен в нем проживали всякие-разные и их многочисленные домочадцы.

Кто-то вышел на балкон в этот предрассветный час. Кто-то проснулся в квартире на пятом этаже и зажег маленький карманный фонарик, чтобы лучше видеть, чтобы ничего не пропустить.

ГЛАВА 2

ЗОЛОТО В БИДОНАХ

Наши дни

— Знаешь, о торговле вообще и о нас, рабочих торговли, при советской власти легенды ходили. Чего только не болтали, милый, для тебя в твоём возрасте это, наверное, как сказка о потерянном времени.

Ольга Аркадьевна Краузе аккуратно притормозила у светофора и повернула к Алексею Хохлову сильно накрашенное лицо. Несмотря на свои семь-

десять лет, водила она свой серебристый «Ягуар» с легкостью и изяществом опытного профессионала. Да и не выглядела она на свой возраст — долгие часы в салонах красоты у лучших косметологов и массажистов не пропали даром. Жилистая и сухая, облаченная, несмотря на жаркий день, в классический жакет «Шанель» и обтягивающие джинсы, за рулем иномарки смотрелась она в представлении Алексея Хохлова даже не как обеспеченная, дорогая москвичка, коей была, а дама откуда-то «оттуда» — говорят, таких вот старушек пруд пруди на набережной Круазетт и в шикарных кафе Монако.

Бриллиантовые серьги в ушах от «Картье», массивная бижутерия от «Шанель», умело покрашенный темно-вишневой помадой рот и отлично сохранившиеся, ухоженные, тщательно завитые волосы. Ольга Аркадьевна Краузе некогда считалась самой красивой шатенкой Москвы и никогда в жизни не изменяла цвету шоколада.

— Ах ты господи, что про нас только не плели тогда... Торгаши... Другого прозвища для нас тогда не имелось. «Они торгаши, а следовательно, воруют». В глаза ничего такого — лишь улыбочки подобострастные, льстивые: «Ольга Аркадьевна, нет возможности поспособствовать, сапожки дочке достать «Саламандер»? А мужу дубленка нужна, а хрену моржовому костюм импортный». — Ольга Аркадьевна вставила в уголок рта сигарету, и Хохлов, сидевший рядом на пассажирском сиденье, предупредительно поднес ей зажигалку.

Чирк... струйка дыма... Ольга Аркадьевна откинулась на сиденье, светофор зажег зеленый, и она нажала на газ.

— А джинсы... так ими спекулировали тогда, конечно, не мы... А эти, из отдаленных советских провинций, из страны Лимонии, например, с Кав-

казского хребта приезжали целыми выводками семейными — все в тапочках и черных бархатных пальто, воротник из ламы, здесь же у нас, в Москве, доставали — в ГУМе с переплатой. «Импартный, импартный...» — так мы их и звали... Ой, чудеса, с шести часов утра, бывало, очереди у дверей магазинов — за коврами, за хрусталем, за телевизорами... Ну это, правда, по открыткам давали. Но как-то покупали эти открытки, доставали... Ах, Лешка, дорогой, мальчик ты мой... Ты, наверное, в восьмидесятом только первые шаги начинал делать. А я была директором мосторга, где ты сейчас служишь. Ну это ты, конечно, знаешь. Но не знаешь, что я являлась самой молодой в Москве директрисой. Моложе сорока тогда и не думай — максимум старший товаровед. А я в тридцать семь поднялась. А какие волки сидели в управлении торговли... А на местах... Директриса магазина «Синтетика» — он на Ленинском тогда располагался — приобрела себе в комке ювелирном сережки Фаберже, понимаешь, сколько они теперь стоят? Ну а тогда по связям обошлись сносно. Как, бывало, наденет на совещание... Морда лошадиная, пальцы все в кольцах, и в любовниках держала такого же вот молодца, мальчишку, — Ольга Аркадьевна, придерживая руль одной рукой, потрепала Алексея Хохлова по затылку. — Нет, ты у меня, конечно, лучше. Ты вообще особенный. Но как же ей тогда все наши телки завидовали... Я-то уж развелась тогда со своим... Кешка у меня на руках остался, мать больная, парализованная. Крутиться много приходилось, из кожи лезть. А как в директрисы Замоскворецкого мосторга попала, как назначили меня, то... Малость полегче нам тогда стало. А потом и совсем легко. Карты так, что ли, легли... Достаток как пришел, так и остался в нашем семействе.

Алексей Хохлов про себя усмехнулся. Достаток — это вы скромничаете, дорогая Ольга Аркадьевна. И сережки от «Картье», и сумочка «Шанель», что на заднем сиденье небрежно брошена, и даже этот новый «Ягуар» с сиденьями, обитыми белой кожей, — это так, мелочи. Богатая женщина — это не про вас. Очень богатая женщина — это куда ближе к истине. Богатая старуха... ведьма...

И что вспоминать Замоскворецкий мосторг, где когда-то вы звались и дворянкой столбовой, и царицей, и владычицей морской, как в сказке, что теперь вспоминать — то всего лишь музей, паноптикум. Десятки по столице строятся новых торговых моллов — современных, сверкающих, из стекла и бетона, с прозрачными лифтами, зимними садами, фонтанами, кафе и ресторанами, кинотеатрами. И сколько, сколько арендных площадок принадлежит в этом раю для шопоголиков вам?

— Потом еще говорили, что мы — торговая мафия. — Ольга Аркадьевна, словно подслушав мысли своего тридцатилетнего плечистого и крепкого любовника, хитро, кокетливо подмигнула. — Да, да, мафия, мол... А мафия бессмертна, и вообще мы весь свой стартовый начальный капитал еще тогда, в восьмидесятые, формировали. Золото в бидоны складывали. Это ж надо — золото в бидонах... Это, кажется, в Средней Азии кого-то накрыли с хищениями и изъяли, конфисковали — ну, оттуда и пошло. Представляю, как я в своей квартирке на Пятницкой с Кешкой, сынком, с мамашей моей, царствие ей небесное, и с бидоном, золота полным... Услышишь такую вот байку — плюнь в глаза.

— Все ради вас сделаю, — Хохлов поймал руку Ольги Аркадьевны и поцеловал ее в надушенное, отягощенное brasлетом с брелоками запястье.

Хотел и дальше продолжить, но она со смехом отпихнула его.

— Я ж за рулем, дурачок, врежемся. Я же старушка уже, — голос ее хитро задрезжал. — Бодрюсь, храбрюсь, а возраст-то... косточки хрупкие, и так уж для своих лет лишнего себе позволяю, грешу с тобой. Так вот — услышишь, наплюй прямо в глаза лжецам. Имели мы, конечно, тогда что-то. Но весь капитал начальный в руки поплыл позже. Я даже дату тебе точную скажу, когда все это такое, крупное, по-настоящему весомое в смысле денег, началось. Это когда Горбачев в Фаросе торчал, когда ГКЧП свергали, когда кто-то там во-круг Белого дома, кто-то под танки, а умные люди... Шанс большой выпадает раз в жизни, и много времени не надо, Леша. Порой бывает достаточно одного дня хаоса и безвластия, чтобы сделать себе большие деньги и уже потом рискнуть и пустить их в оборот и делать уже очень, очень, очень большие деньги.

— Я только одного не могу понять, дорогая, — Алексей Хохлов улыбнулся.

— Чего?

— Зачем вы сына своего работать заставляете? Лето, а он в компании, в офисе. По его-то положению ему бы с женой где-нибудь на Маврикии сейчас сидеть, виски попивать у бассейна, закатом любоваться.

— Кешка у меня тряпка, — оживленное лицо Ольги Аркадьевны разом помрачнело. — Тряпка, эгоист, истерик... И в кого только пошел? Уж точно не в меня, не в нашу родню. Ему полезно на народе, в делах, а то закиснет, замечается и сопьется, не дай бог... С женой-то своей красоткой. Ничего, я его к хорошему человеку определила, в нашей фирме он, Борис Шеин, конечно, никаких юридических советов его не слушает, да я и не в

обиде. Главное, что он мои советы слушает до сих пор. И за сыном моим приглядывает. Держит его в рамках пристойности.

— Приехали, — сказал Алексей Хохлов.

«Ягуар» остановился на Никитской улице перед бутиком «Гардероб».

— Вот возьми, Лешенька, — Ольга Аркадьевна достала из сумочки «Шанель» деньги, пачку денег, и протянула ее своему тридцатилетнему, плечистому, крепкому любовнику. — Сам расплатись. И выбирай все, что хочешь, что понравится. А я погляжу, как ты примеряешь, полюбуюсь на тебя, мой сладкий.

Они вышли, Ольга Аркадьевна закрыла машину и оперлась на руку Хохлова. И только тут возраст ее стал заметен. Подагрическая походка, наклон корпуса. Хохлов крепко держал ее под локоть.

— И не торопись. Все примерь, все барахло это ваше новомодное. Я бы, конечно, предпочла, чтобы мы поближе к моему дому на Рублевке отоварились, но если ты хочешь сюда...

— Мне на работу в универмаг, я всего на два часа отпросился.

— Успеется, — Ольга Аркадьевна махнула царски. — Ты вот меня про Кешку моего спрашивал, а я тоже в толк не могу взять: что тебя самого на работе в этом твоём... нашем... когда-то и моем Замоскворецком мосторге держит? Не поделишься секретом, мальчик?

— Работа делает свободным, — ответил Хохлов и широко распахнул перед мадам Краузе двери молодежного «Гардероба».

В половине второго он с пакетами со служебного входа вошел в здание Замоскворецкого универмага на Александровской улице — сюда на работу доставил его уже не серебристый «Ягуар», а обычное желтое такси. Оставив пакеты в раздевалке

для персонала, нисколько более не заботясь об этих дорогих подарках, он быстро переоделся — все служащие, и женщины, и мужчины, соблюдали в торговом зале общий дресс-код. И чтобы обязательно карточка-чип слева на груди с фамилией, именем.

Затем он прошел в торговый зал — в отдел парфюмерии, занимавший половину первого этажа. Пока шел, думал — скорее всего, старая ведьма Краузе догадалась... возможно, точно не знает, но подозревает, нюх у нее как у лисы... Может быть, имя ей еще не известно, но причину... ну, скажем, одну из причин, по которой он так дорожит этим своим не столь уж высокооплачиваемым местом старшего оператора электронно-кассового оборудования здесь в универмаге, мадам Краузе уже просчитала в уме. Она вообще это делает мастерски — просчитывает все ходы и почти всегда знает наверняка, кто, когда, с кем и где...

— Леша, где ты был так долго?

Сердце Алексея Хохлова подпрыгнуло в груди, сладко замерло. Ну вот, пожалуйста, вот вам и причина. Стоит и улыбается — приветливо и нежно.

В центре парфюмерного отдела, которым так славился в округе Замоскворецкий универмаг, у стенда «Шанель» его ждала Вероника. У нее только что кончился ее личный короткий перерыв на обед — продавщицы подменяли друг друга в зале на пятнадцать-двадцать минут. Пока одна в подсобке разводила себе в чашке пакетик куриного супа с сухариками и глотала его, давясь и обжигаясь, другие приветливо улыбались клиентам. «Вам помочь? Обратите внимание, вот новые поступления... а на этот аромат сейчас действует скидка пятнадцать процентов».

— Привет, малыш.

— Привет, — Вероника улыбнулась.